

УДК 32.019.52(470+571) “15/20”

Травникова Е.Г.

*Академия переподготовки работников
искусства, культуры и туризма (г. Москва)*

КОНЦЕПЦИЯ «ОБЩЕЕ БЛАГО» В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX вв.

E. Travnikova

Academy of Retraining in Arts Culture and Tourism, Moscow

«COMMON WELFARE» CONCEPT IN THE RUSSIAN SOCIAL CONSCIOUSNESS OF THE XVIIITH – FIRST THIRD OF THE SIXTH CENTURY

Аннотация. Автор рассматривает феномен «общее благо», его проявление и трактовки в сознании русского общества XVIII – первой трети XIX вв. Временные рамки охватывают исторический период от начала XVIII в., появления самой концепции в государственной идеологии и до момента расхождения общественного восприятия «общего блага» с официальной точкой зрения в послевоенный период. Закономерным итогом развития этой концепции в первой трети XVIII в. автор считает речь Александра I в Варшаве, которая разделила государственную политику и общественное сознание.

Ключевые слова: концепция, общее благо, русское общество, феномен, идеология, законодательство, политика.

Abstract. The author considers the “common welfare” phenomenon, its comprehension and interpretations in the consciousness of the Russian society of the XVIIIth – the first third of the XIXth centuries. The time frame covers the historical period from the beginning of the XVIII century, the time of occurrence of the concept in the state ideology and till the moment when the public perception of “common welfare” started to divert from the official point of view during the post-war period. The author considers Alexander I’ speech in Warsaw to be a logical result of this concept development, and considers it divided the state policy and social consciousness.

Key words: concept, common welfare, Russian society, phenomenon, ideology, legislation, policy.

В истории все процессы и концепции взаимосвязаны и, как правило, проистекают друг из друга, напоминая тем самым, пресловутый «снежный ком», который по мере движения получает форменное развитие. Тем более это относится к социально-политическим и культурным процессам, происходившим в русском обществе в XVIII – первой трети XIX вв.

Бурный XVIII в., с его каскадом социально-политических событий и культурными новациями, подарил истории Отечества государственную концепцию «общего блага». Этот феномен был продекларирован Петром I, смысл которого император видел в благоустройстве государства в различных его слоях и структурах. «Общее благо» – это фикция XVIII в., за которой скрывалась необходимость каждого подданного в зависимости от своей сословной принадлежности неукоснительно выполнять обязанности, возложенные на него государством. Как девиз правления монархов «общее благо» не сходило со страниц указов на протяжении всего столетия. Но, чем ближе к нашему времени, тем в большей степени оно эволюционировало в одном определённом направлении, наполнялось иным содержанием: «общее благо» подданных трансформировалось в реальное благо для дворянства» [11, с. 497].

Безусловно, об «общем благе», едином для всех слоёв общества, и речи не могло быть, хотя бы потому, что общество было сословным. Определяющая роль сословной структуры общества была неоспорима, об этом говорят современные историки, подчёркивая, что и сознание Петра I, и вся его государственная деятельность, направленные на укрепление Российской империи и её преобразование, были наилучшей иллюстрацией сословно-абсолютистского

уклада жизни: «Его Величество есть самовластный Монарх, который никому на свете о своих делах ответа дать не должен; но силу и власть имеет свои Государства и земли, яко Христианский Государь, по своей воли и благомнению управлять» [2, с. 325].

Подобная трактовка собственного положения подразумевала и то, что император был наипервейшим человеком общества, исполнителем своих указов, который во многом своим примером стремился привить подданным, составлявшим опору его власти, образец служения Отечеству.

Впервые идея «общего блага» прозвучала в манифесте 1702 г., в котором император обосновывал приглашение иностранцев на русскую службу собственным попечением о благе общества: «... все старания и намерения Наши клонились к тому, как бы сим Государством управлять таким образом, чтобы все Наши подданные, попечением Нашим *о всеобщем благе* (выделено мной. – Е.Т.), более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние...» [7, с. 192]. В дальнейшем «общее благо» встречается в указах и манифестах, относящихся к различным сферам жизни, так складывается смысловое наполнение этой идеологической мозаики. В ней император видел процветание торговых отношений, развитие ремёсел и мануфактурного производства, правосудие, развитие образования и многое другое.

Императорская забота касалась всех слоёв общества таким образом, что регламентирующие указы отражали функциональность каждого. Благо крепостного крестьянства император видел в неукоснительном служении своим господам и выплате налоговых пошлин, т. е. в пополнении казны. Именно на крепостных крестьян ложилась тяжесть налогов, которые, как правило, вводились беспорядочно и носили целевой характер. На сословие городских жителей возлагалось бремя торгового и производственного аспекта жизни империи, вклад в казну государства был от различных торговых операций. Ради претворения в жизнь самой идеи Пётр стремился привить личную ответственность

прежде всего чиновникам, исполнявшим его повеления для благоустройства России. Именно с этой целью были изданы указы, которые вводили личную ответственность: «Об отправлении Президентами дел своих в Коллегиях с ревностью» [6, с. 572].

Безусловно, что политика Петра была по сути своей направлена на дворянское сословие, на улучшение его благосостояния, как опоры престола, но, одновременно с этим, на дворян были возложены и новые обязанности. Главной из них стала *государева служба*, как единственная возможность поддержания собственного благосостояния.

Вереница законодательных актов была направлена на побуждение дворянства к службе Отечеству. В 1714 г. были изданы два манифеста, которые весьма усложняли жизнь дворянству. В февральском манифесте вводился запрет на производство «в Офицеры молодых, которые с фундамента солдатского дела не знают, ибо не служили в низких чинах, а которые и служили то только для лица по несколько недель, или месяцев... а впредь сказать указ, чтоб из дворянских пород и иных со стороны отнюдь не писать, которые не служили солдатами в Гвардии» [9, с. 84-85]. Таким образом, Пётр принуждал дворян к реальной службе, будь то гражданской или же военной, тем более что Россия в то время вела достаточно активную внешнюю политику (Северная война 1700-1721 гг.).

Ещё одним законодательным актом, который должен был подтолкнуть дворянство к исполнению государственной службы, стал указ 23 марта 1714 г. о порядке наследования. Указ достаточно подробно рассматривал порядок наследования движимого и недвижимого имущества членами семьи покойного дворянина. В этом указе царь обращался к благу государства, с которым неразрывно связывал и благосостояние именитых фамилий: «разделение имений после отцов детям недвижимых, великой есть вред в Государстве Нашем, как интересам Государственным, так и подданным и самим фамилиям...» [8, с. 91]. Положение статей документа фактически принуждало тех наследников, которые остались без

недвижимого наследства, идти на государеву службу и жить за счёт тех доходов, которые она приносила: «... каждый, имея свой даровый хлеб, хотя бы и малый, ни в какую пользу Государства без принуждения служить и простираться не будет, но ищет всякой уклоняться и жить в праздности, которая (по Святому писанию) матерью есть всех злых дел» [10, с. 91]. Благодаря этим двум документам Пётр подчинил личное благо дворян благу государственному, которые отныне (с 1714 г.) были неразделимы. Не менее строгой повинностью того времени оказалось принуждение дворянских детей к получению образования, знаний, которые были необходимы для осуществления служения «общему благу», благу государства.

Главная идея императора состояла в том, чтобы представители сословий своими делами во всех сферах жизни проявляли усердное рвание на благо Отечества, этому было в большей степени и подчинено его законотворчество. Н.И. Павленко давал следующую характеристику этой государственной идеологии: «Идея служения отечеству, в которую глубоко уверовал царь и которой он подчинил свою деятельность, была сутью его жизни. Она пронизывала все его начинания» [11, с. 482].

Собственно, после Петра «общее благо» становится той самой фикцией, о которой писал Н.И. Павленко, «штандартом». Постепенно высшее дворянство перестаёт служить Отечеству, занимаясь лишь устройством собственного благосостояния, государева служба становится основным источником дохода для неродовитого мелкопоместного дворянства. Более того, императорская власть оказывается в «заложниках» у дворянства и гвардии, что было вызвано тем сумбуром в престолонаследии, который произошёл со смертью Петра (приход к власти монарха осуществлялся исключительно при поддержке дворянских группировок и давления гвардии в качестве силового аргумента. – *Е.Т.*).

При преемниках Петра I политика «общего блага» всё больше уделяла внимание благу высшего дворянского сословия, от которого в большой степени и зависела. Это ярко ил-

люстрирует вереница законодательных актов о дворянских привилегиях: в 1762 г. при Петре III «Манифест. – О даровании вольности и свободы всему Российскому дворянству» [8, с. 912-915], который по сути был подтверждён Екатериной II лишь спустя двадцать три года. Окончательная победа интересов дворянства была закреплена Екатериной II в 1785 г.: «И сим образом в истинной славе и величестве Империи вкушаем плоды, и познаём следствия действий Нам подвластного, послушного, храброго, неустрашимого, предприимчивого и сильного Российского народа, когда верою к Богу, верностью к Престолу он управляем, когда труд и любовь к отечеству соединёнными силами стремятся преимущественно к *общему благу* (выделено автором – *Е.Т.*), и когда в военном и гражданском деле примером предводителей поощрены подчинённые на деяния, хвалу, честь и славу за собой влекущие» [4, с. 344].

При Павле I манифестация «общее благо» транслировалась в «блаженство всех и каждого», именно такую цель собственного правления избрал новый император. Во многом его политика была схожа с политикой Петра, преемственность которой так стремился подчеркнуть сын Екатерины II. Н.Я. Эйдельман, характеризуя эпоху конца XVIII – начала XIX вв., писал: «Высшим эталоном, авторитетом оставалась система Петра Великого, но она могла быть истолкована по-разному. Вспомним соперничающие надписи на петербургских памятниках преобразователю: «Петру I – Екатерина II. 1782» и «Прадеду – правнук. 1800». Мать и сын по-разному смотрят на вещи, но каждый апеллирует к Петру» [14, с. 60]. Однако действительно возвращаться к временам Петра, когда представители дворянства, как и прочих сословий, были обязаны нести государственную службу, никто не желал. Эпоха Петра с её потрясениями и достижениями уже стала прекрасным прошлым, о котором вздыхали, но в которое мало кто хотел бы вернуться.

В начале XIX в. (11 марта 1801 г.) был совершён последний дворцовый переворот, завершивший бурные традиции XVIII в., который

также произошёл под знаменем «общего блага» и идеи служения Отечеству. Дворянство, приближенное к престолу, оказалось напугано непоследовательной и резкой политикой Павла. Политикой, которой тот стремился отбросить все те достижения и порядки, а главное, полученные привилегии, сформировавшиеся при Екатерине II и по которым общество привыкло жить последние три десятилетия. Именно страх перед неустойчивым сегодня и ещё более неопределённым завтра, а также желание сохранить всё в прежнем порядке подтолкнуло группировку высшего дворянства к осуществлению заговора и смене власти. Позднее идеологическая основа этого события объяснялась участниками не чем иным, как желанием *спасти Отечество*, т. е. оно осуществлялось в соответствии с представлением об «общем благе».

Контекст заботы об «общем благе», безусловно, читается и в записках участников последнего дворцового переворота, пусть они и не говорят о нём. «Пален, Зубовы..., Бенигсен обращались к *патриотизму* (выделено автором – Е.Т.) присутствующих, говорили о настоящем бедственном положении России, что самовластие императора губит ее и что есть средства предотвратить еще большие несчастья: это – принудить Павла отречься от трона; что сам наследник престола признает необходимую эту решительную меру» [5, с. 165]. Все их действия объяснялись именно высокой целью всеобщего спасения от тирани и самодура. Участники в стремлении собственного оправдания сгущают краски той атмосферы, что сложилась в Петербурге и в империи в целом. Один из них писал: «... такое замешательство во всех отраслях правления, такое всеобщее недовольство, охватившее не только население Петербурга, Москвы и других больших городов империи, но и всю нацию, не могло продолжаться... Основательные опасения вызывали, наконец, всеобщее желание, чтобы перемена царствования предупредила несчастья, угрожающие империи. Лица, известные в публике своим умом и преданностью *отечеству*, составили с этой целью план» [1, с. 29].

Историческая ситуация рубежа веков была такова, что спустя три десятилетия дворянство – опора престола, помыслило о поиске «общего блага» через замену законного правителя. Подчеркнём, замену правителя, но не самой системы правления. Сколь бы ни было велико недовольство Павлом, но сама мысль о физическом уничтожении персоны императора казалась кощунственной и не рассматривалась в изначальном плане. Его смерть стала неожиданностью и для самих участников заговора.

Тиран свергнут, Отечество спасено и может благоденствовать, «общее благо», благо подданных нашло своё отражение в персоне нового императора, воспитанника «матушки-императрицы», с которым связывались надежды на возвращение к политике Екатерины II.

Новое проявление концепции «общего блага» мы встречаем в связи с наполеоновскими войнами. Накануне вторжения Наполеона в Россию новый государственный секретарь А.С. Шишков формулирует общегосударственное виденье «общего блага», называя его «благоденствием державы»: «народная гордость и любовь к отечеству..., составляющие силу и благоденствие всякой державы» [13, с. 35].

«Общее благо» становится контекстом государственной агитации в связи с вторжением врага и тяжёлым положением империи, теперь всё, что ни делается обществом и властью, всё иллюстрирует заботу о нём, о победе Отечества. Пожертвования купцов, дворян, членов императорской семьи, всё это идёт во благо державы. Одним из самых ярких проявлений желания жертвовать ради спасения Отечества можно считать инициативу сестры императора Екатерины Павловны: «В то время, когда любовь к отечеству и преданность Государю, одушевляя всех Россиян, делают их готовыми к величайшим жертвованиям жизнью и имуществом; в то время, когда соединение постоянных и великих усилий потребно на отражение врагов и охранение общей безопасности, Я не могла воспротивиться влечению Моего сердца, чтоб принять

некоторое деятельное участие в способах, к умножению военных наших ополчений. ...Я обращаюсь к вам, для приведения в исполнение Моего намерения, внушённого беспредельной ревностью к пользе и славе дражайшего Отечества и живейшей любовью к Государю. Оно состоит в том, что с определённого Мне в удел имени собрать известное число воинов, которым предоставляю Я особенные выгоды, и которых, вооружа собственным иждивением, содержать буду во всё продолжение войны» [3, с. 386].

Таким образом, мы видим, что во время Отечественной войны смысловое наполнение концепции «общее благо» сводится не к приобретению новых благ, а к общей победе над врагом. Вторжение Наполеона в пределы России привело к осознанию реальности угрозы потерять всё, которой не ощущалось в обществе более века.

Подъём патриотических настроений ещё долгое время сохранялся после окончания антинаполеоновской кампании, по возвращении в Россию общество жило ожиданием реализации концепции «общего блага» правительством, но на деле получало лишь разочарование и убеждалось в пренебрежении императора внутренними делами империи. Можно сказать, что в одночасье русский император стал европейским.

Послевоенные годы русское общество дышало ожиданием перемен, об этом свидетельствует и образование многочисленных тайных обществ, кружков молодых дворян-офицеров, которые стремились к расширению своих познаний в сфере общественной и политической жизни общества. Более того, впервые представители дворянского общества проявили инициативу соучастия в жизни империи не тогда, когда Отечество оказывается в опасности, а в повседневном устройстве. Позднее С.П. Трубецкой писал: «Они дали друг другу обещание словом и делом содействовать государю своему во всех начертаниях его для блага своего народа» [12, с. 27].

Стоит обратить внимание на то, что участники тайных обществ послевоенного

периода сохраняли свою приверженность государственной идеологии, стремясь произвести перемены внутри существующей традиции. Точкой разрыва следует считать речь императора Александра в Варшаве в 1818 г., с этого момента будущие декабристы изменили свой взгляд на государственную концепцию «общего блага». Именно речь императора Российской империи о даровании Польше конституции окончательно отрезвила либерально настроенное дворянство, которое ждало перемен во внутренней политике правительства. Квинтэссенция впечатлений от европейских походов, несбывшихся желаний соучастия в судьбе Отечества и разочарования в государственной концепции «общего блага» привели к событиям 14 декабря 1825 г., к тому, что представители опоры российского престола пошли против вековых традиций и устоев.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Беннигсен Л.Л. Записки // Русские мемуары. Избранные страницы 1800–1825. – М.: Правда, 1989. – С. 19-37.
2. Воинский устав. от 30 марта 1716 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи (далее ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. V. – СПб., 1830. – С. 203-453.
3. Высочайше утверждённое предложение Великой Княгини Екатерины Павловны, изъяснённое в отношении к Министру Уделов, Гурьеву, – О сборе на временное ополчение воинов с имения, удел Её Высочества составляющего. от 3 июля 1812 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXII. – СПб., 1830. – С. 386-387.
4. Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства. от 21 апреля 1785 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXII. – СПб., 1830. – С. 344-358.
5. Из записок Фонвизина // Саблуков Н.А. Царевичество 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1907. – С. 155-171.
6. Об отправлении Президентами дел своих в Коллегиях с ревностью. От 2 июня 1718 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. V. – СПб., 1830. – С. 572.
7. О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания. от 16 апреля 1702 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. IV. – С. 192-195.
8. О даровании вольности и свободы всему Российскому дворянству. от 18 февраля 1762 г. //

- ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XV. – СПб., 1830. – С. 912-915.
9. О не производстве в Офицеры Дворян, не служивших солдатами в Гвардии. от 26 февраля 1714 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. V. – СПб., 1830. – С. 84-85.
10. О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах. от 23 марта 1714 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. V. – СПб., 1830. – С. 91-94.
11. Павленко Н.И. Пётр Первый. – М.: Мысль, 1994. 592 с.
12. Трубецкой С.П. Записки // Мемуары декабристов. Северное общество. – М.: МГУ, 1981. – С. 23-77.
13. Шишков А.С. Рассуждение о любви к Отечеству, читанное в 1812 году в Беседе любителей русского слова // А.С. Шишков Огонь любви к Отечеству. – М.: Институт Русской Цивилизации, 2011. – С. 23-47.
14. Эйдельман Н.Я. Грань веков. – М.: Мысль, 1982. – 368 с.

УДК 94(470)”1870/1877”

Федорова Е.Ю.

Российский университет дружбы народов (г. Москва)

**СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА
«ВЕСТИК ЕВРОПЫ» (1870 – НАЧАЛО 1877 ГГ.)**

E. Fedorova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

**THE SLAVIC QUESTION AS PRESENTED IN “THE BULLETIN OF EUROPE”
(1870 - beg. 1877)**

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды западников-либералов на славянский вопрос. Прослеживается эволюция его восприятия на страницах журнала «Вестник Европы» в 1870–1877 гг. В контексте обсуждения славянского вопроса авторы «Вестника Европы» старались привлечь внимание читателей к неразрешенным проблемам внутреннего развития российского государства, большое внимание уделялось обсуждению либеральных свобод. С другой стороны, когда либеральное издание выражало свое сочувствие борьбе славян за независимость, оно подчеркивало, что поддерживает не принцип национальности, а борьбу другого народа за свободу. В целом, в их стремлении соединить ценности либерализма с идеей особой исторической миссии России на Балканах прослеживается приспособление либеральных принципов к национальной почве, т.е. формирование национально-либеральной парадигмы.

Ключевые слова: славянский вопрос, западники-либералы, журнал «Вестник Европы», либеральные свободы, историческая миссия России, формирование национально-либеральной парадигмы.

Abstract. The article analyses the westernizer-liberals' approaches to the Slavic question. It investigates the evolution of its perception being reflected in “The Bulletin of Europe” within the period of 1870-1877. While discussing the Slavic question the authors of the journal tried to attract the readers' attention to the unsolved problems of the internal development of the Russian state, great attention was also paid to the discussion of liberal freedoms. On the other hand, while expressing sympathy to the Slavic struggle for independence, the liberal journal stressed that they support not the national principle but the struggle of the other nation for freedom. On the whole, their effort to join the values of liberalism with the idea of a specific historical mission of Russia at the Balkans has some traces of adjusting liberal principles to the ethnic situation, i.e. forming of national-liberal paradigm.

Key words: the Slavic question, westernizer-liberals, “The Bulletin of Europe” journal, liberal freedoms, historical mission of Russia, formation of national-liberal paradigm.